

Известную певицу Людмилу Зыкину миллионы людей знают как талантливого и страстного пропагандиста замечательной русской песни.

Ее дарование раскрылось в одном из коллективов художественной самодеятельности Москвы. Ныне Людмила Георгиевна — прославленный мастер вокала, народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии.

О жизненном и творческом пути актриса рассказывает в автобиографической книге «Песня», выпуск в свет которой готовит издательство «Советская Россия».

Отрывок из этой книги, любезно предоставленной нам издательством, предлагаем вниманию наших читателей.

ПЕСНЯ

Выступление, как мы говорим, «номером» в программе большого коллектива, да еще в чужой стране, да еще перед аудиторией, не знающей языка, — очень ответственное и непростое дело. В двух, трех, максимум, четырех песнях надо как бы аккумулировать, собрать все, что хотела бы рассказать, надо успеть сменить протяжный раздолбный напев быстрым, озорным, может быть, даже частушечным. В общем — после такого «номера» хватаешь ртом воздух, как после двух отделений сольного концерта, а добравшись наконец до постели, долго-долго еще не можешь заснуть — перед глазами твоими зал, рампа, в ушах все звучит и звучат песни.

А главное — обычно после концерта начинается «третье отделение» — встречи, приемы, пресс-конференции. Устаешь порой больше, чем на сцене, — сама завела правило непременно отвечать на все вопросы, даже на самые ехидные, злые, коварные, неожиданные — отвечать достойно, обстоятельно, весело.

Чего уж тут только не услышишь, о чем не подумаешь! Я не критик, не историк искусства — практик, так сказать. Но в этом качестве еще сильнее ощущаю, как участвуем мы в сложном единении идеологий, в борьбе за умы и души.

Музыка не знает барьеров границ, именно в сфере музыкальной культуры каждый день, каждый час рождаются новые, сложные, непривычные явления. Порой под личиной «разнообразия» и «сложности» стараются привнести бездуховность, бесчеловечность, цинизм, даже жестокость. Мне пришлось прочесть такое высказывание американского ученого О. Тоффлера: «Борьба идей ведется на территории противника, в условиях не разъединения, не изоляции, а, напротив, постоянного присутствия, соседства идеологии и культуры оппонента...»

Сложные, непростые проблемы! Одно только очевидно — гуманную, добрую сущность искусства нельзя позволить исказить и обогатить!

Никак нельзя!..

...Я гастролеровала в Японии с маленьким, но дружным коллективом: давние добрые друзья мои, прекрасные баянисты Михаил Шалаев и Николай Крылов и два виртуоза — балалаечник Михаил Рожков и гитарист Георгий Миняев. Целый месяц путешествовали мы в «сверхэкспрессах» — электропоездах, мчались по широкому автобусадам, колесили по тесным городским улочкам.

Работать было очень интересно — вместе с баянистами Михаил Рожков и Георгий Миняев составляли небольшой своеобразный ансамбль. У Рожкова балалайка просто «пела», такие она выделяла замысловатые коленца, такие форшлаг выводиала, такое показывала.

Мы выступали перед разными аудиториями, но чаще всего — в колледжах и университетах. Это была первая встреча с Японией, с японскими зрителями. Но уже с начала гастролей, с первых концертов, поразила удивительная любознательность, отзывчивость, культура молодых японцев.

...В странствиях наших как-то и не заметили, что подошел день отдыха. Накануне вечером пришли к нам чудесные, немного застенчивые ребята из колледжа, где мы выступали.

— Приглашаем вас на пикник, — сказали они. — У вас ведь выходной.

Все они были активистами Общества японо-советской дружбы, которое и организовало нашу поездку. Развлечение для нас, угощение, автобус, чтобы отвезти за город, — все оплачивали складчину, из скромных своих — очень скромных — студенческих доходов. Мы узнали об этом и заявили, что тоже примем участие в складчине. Они, конечно, сначала отказывались, но мы решительно настояли.

И тогда, на непритязательном студенческом торжестве, и раньше, на концертах, меня всегда поражала особая хоровая культура японцев.

Наша русская песня — исконно многоголосная. Где-нибудь на рязанской или воронежской земле, на Кубани или Омшине, когда сходились всем миром на «попевание», звучали еще — и звучат, к счастью! — многоголосные хоры. И точно зная свою партию, добавляет деревенская молодуха те самые особые, неповторимые рулады и «прищелкивания», «лелекания», которым учила меня еще неискушенная в музыкальной грамоте бабушка Васюта.

Многоголосие — всегда праздник. Но когда в одном из последних концертов запада специально разученную народную японскую песню «На берегу», я была просто поражена. Не два, не три, не четыре — чуть ли не сорок голосов на диво стройно и слаженно, не сливаясь друг с другом, согласно вторили мне.

Вместе с японскими студентами пели мы и русские, и советские песни. С каким волнением и радостью вслушивались в дорогие сло-

ва, в русскую речь, пусть порой и не слишком правильную, непривычную для нашего уха! Счастья этого — вдруг услышать родной язык, родную речь — не изъяснить, не рассказать!..

И пели мы, и читали стихи, и... танцевали. Пришлось мне потряхнуть стариной (начинала же я с четки в нашем черемушкинском клубе!).

...Я не дипломат, не политик. Но когда вижу в повестке дня крупнейших международных форумов слова «культурное сотрудничество», «обмен духовными ценностями», вспоминаю не только оации огромных нарядных залов, не только цветы у рампы, но и этот хор, эту за полночь затянувшуюся беседу на крохотной лужайке, вдалеке от шума и грохота больших городов...

Вспоминаю песню...

...Десять лет назад, в первый приезд в Париж, отправилась я в свободный час по бережно хранимому адресу.

Долго ехала из центра к захолустному окраинному кладбищу Батиньоль. Наконец отыскала. Вошла в калитку ограды и пошла по дорожке, выложенной шербатыми, потрескавшимися каменными плитами. Проходила полтора часа, все спрашивала дорожную мигу — никто толком не знал.

Потом все же отыскала, запомнила дорогу среди невысоких крашенных оград и таких странных тут русских православных крестов — точно вовсе и не Сена течет неподалеку, а псковская или рязанская речушка...

Аллея делит кладбище на две части: в левой все больше могилы русских. Подошла наконец к узенькому клочку земли, к камню с крестом и надписью:

1873—1938

Встала у ограды, положила цветы у памятника, оглянулась, никого не было рядом — отгребла сор, собрала высохшие ветки букета.

И подумалось мне тогда, как обидно, несправедливо, горько все это — запущенное, захолустное кладбище и сама эта чужая надпись на мраморной плите. Обидно, невыносимо обидно для памяти величайшего русского певца — Федора Ивановича Шаляпина.

В старой кинохронике увидела самого Шаляпина за год до смерти, на последнем концерте в парижском зале «Плейель». И лицо его — с выцветшим и поредевшим хохлом русых волос, но все с теми же молодыми глазами Бориса Годунова.

Уже дни его были сочтены, и уже скорбь, приподнявшись на подушках, скажет он сиделке своей — русской и старинной его почитательнице:

— Где я?.. Чтобы петь, надо дышать... Где я? Не хватает дыхания!.. Где я?.. В русском театре!..

А потом добавит:

— Вот я умру, и не станет песни. Вся русская песня уйдет со мной. Когда еще на родине нашей сыщутся доброты и чудачки, для которых песня русская будет так же дорога, как для нас, грешных!.. Уйдет песня, уйдет слава...

«Уйдет песня, уйдет слава»... Как трагично и как, к счастью, несправедливо, неверно это шаляпинское пророчество, брошенное, наверное, в страшный час нестерпимой тоски по России, по ее песням!..

Слава русской песни не ушла. Она возрождена и приумножена. Русская, советская песня звучит ныне с эстрад пяти континентов. Наша музыка, наше искусство, многонациональная культура Советского Союза становятся с каждым днем понятнее, ближе всем людям земли.

Тогда же, десять лет назад, на программке концерта Бруно Котатрикс написал лестные слова. Я их отношу не к себе — к нашей песне, к советскому искусству. Вот какая была сделана им надпись:

«Своим голосом вы представляете самое светлое, самое яркое искусство — искусство народной песни. Слушая вас, хочется смеяться, плакать, любить, мечтать».

Эта оценка нашей песни — самое дорогое воспоминание о Париже, об «олимпийском» успехе.

Можно, конечно, «организовать» оации, создать успех исполнителю — такое приходилось видеть. Но такого успеха, таких оаций, как в тот вечер в «Олимпии», организовать было невозможно. Стояли мы на сцене и, не перекинувшись ни одним словом, думали все об одном и том же...

Котатрикс сказал потом, что русских в зале было процентов десять, может, и меньше. Остальные — французы; мы пели для них на чужом, непонятном языке.

Вот тогда я подумала — это, наверное, и есть признание, слава. Слава русской песни, слава нашего советского искусства...